

о. БЕДА ГРИФФИТС OSB

"МЕДИТАЦИЯ И НОВОЕ ТВОРЕНИЕ ВО ХРИСТЕ"

(“Семинар Джона Мейна” 1991 г., Нью Хармони, США)

Беда Гриффитс был одним из ярчайших христианских духовных учителей XX века. Дело всей его жизни было обновление христианской созерцательной традиции, а также диалог между традиционными формами западной и восточной духовности, живым примером чего стал католический (принадлежащий Камальдолийской конгрегации) ашрам (монастырь) Саччиданада (Пресвятой Троицы), возглавляемый им с 1968 г. В своем христианском ашраме Беда Гриффитс попытался соединить дух и ритм жизни бенедиктинского монастыря с формами и методами аскетической и монашеской жизни индийцев. Многие элементы жизни ашрама были позитивно оценены индийской Конференцией Католических Епископов и одобрены для использования в католических монастырях и общинах Индии.

По мнению о.Беды, открыто смотря на то лучшее*, что есть у восточных традиций в области созерцания, нам легче будет вспомнить и найти аналогичную медитативную глубину в собственных традициях, в которых она была забыта или отодвинута на задний план. Мысль о.Беды как теолога и мистика сосредоточена на выражении христианского духовного опыта философским языком Индии, Японии и Китая также, как это в свое время произошло с языком греческой философии. Решая эту задачу, он формулирует множество интересных идей, касающихся созерцания, медитации и глубокой молитвы, которые были высоко оценены как многими братьями и сестрами о.Беды по ордену, так и современными общинами, связанными с практикой христианской медитации. Несмотря на то, что вопросы, поднимаемые о.Бедой, является достаточно непростыми и требующими специальных знаний в области межрелигиозного диалога, мы надеемся, что многие читатели найдут в его размышлениях источник вдохновения.

* “Католическая Церковь не отвергает в этих религиях ничего, что является истинным и святым. С искренним почтением она рассматривает эти способы поведения и жизни, эти заповеди и учения, которые, хотя и отличаются во многих аспектах от тех, которых она придерживается и которые она исповедует, тем не менее, зачастую приносят луч Истины просвещающей всех людей. (“Nostra aetate” Декларация Второго Ватиканского собора Католической церкви об отношении Церкви к нехристианским религиям)”

1. "Человек в поисках Бога"

Я хотел бы начать конференцию с короткого классического песнопения на санскрите. В Индии, в нашем бенедиктинском ашраме, мы часто начинаем медитативные сессии с подобных песнопений [1], так как они связывают нас с прошлым человечества. Санскрит является, пожалуй, наиболее древним из всех используемых в мире сакральных языков. Он открывает для нас прошлое человечества, с которым все мы связаны, и которое перерастает в историю, вплоть до момента, в котором мы с вами находимся теперь. Один из возможных смыслов этого песнопения я бы передал приблизительно таким образом: *"Пребудем в радости и единстве, делясь друг с другом, в едином устремлении, воссияем вместе. Да не будет между нами никаких раздоров. Мир, мир, мир"* ("Sahana Vavatu").

Св. Бенедикт определяет монашескую жизнь, как поиск Бога. Этот поиск начался на заре человеческой истории, и, возможно, он еще никогда не достигал такой интенсивности, как сегодня. Люди ищут высший смысл и цель жизни в мире, в котором цель и смысл, как это часто кажется, полностью утрачены. Что бы мог предложить св. Бенедикт и основанная им традиция для решения этой проблемы? Каким образом мы можем найти Бога в современном мире? Св. Бенедикт является частью христианской традиции, но какой ответ может дать само христианство сегодня? Наша традиция испытывает внутреннее разобщение, многие утратили веру и пытаются искать Бога всевозможными путями. Люди задаются вопросом – есть ли в христианстве путь к Высшей Истине, не доктрина или ритуал, а путь прямого опыта Бога? Это именно то, чего ищут все в наше время – не слова и мысли, но именно непосредственный опыт. Существует ли подобный опытный путь к Богу, к истине и реальности в христианской традиции?

Я верю, что такой путь существует, и отец Джон Мейн был одним из тех, кто пытался сделать подобный опыт доступным для современных людей. Он обнаружил его в бенедиктинской традиции, восходящей к пустынничеству. Сегодня мы здесь собрались для того, чтобы подумать об оставленном им послании, о пути, который может помочь нам заново открыть для себя мудрость этой традиции, традиции являющейся путем познания Бога через любовь. Отец Джон был человеком большой мудрости и, прежде всего, большой любви. Давайте послушаем, о чем он хочет нам поведать, попробуем найти свою дорогу к опыту Бога, дабы мы смогли его разделить со всеми людьми в мире, также жаждущими услышать это послание, и обрести свою дорогу к Богу. В нашем разговоре я буду в основном опираться на беседы Джона Мейна о монашеской молитве, и я хотел бы пригласить всех вас разделить его видение, претворив его в свою собственную жизнь.

Отец Джон начинает с того, что призвание монаха, и, следовательно, всего человечества в целом, – так как в каждом человеке присутствует архетип монаха – *"открыться своему вечному потенциалу в Боге, в новом творении, центром которого является Христос"*. Это и есть монашеский архетип, пронизывающий все те пути, которыми проявляет себя человечество на протяжении своей истории. За всем многообразием человеческой природы присутствует общая основа, объединяющая всех людей в поиске Бога, высшей истины и смысла, и поиск этот совершается в одиночестве. Это нечто, что затрагивает самые глубинные уровни нашего бытия, что-то, что никто нам не способен ни дать, ни заменить. Мы должны раскрыть эти глубины, и там мы сможем прикоснуться к Богу, к реальности. Таков монах в каждом из нас, в каждом человеческом существе. Об этом говорит вышеприведенная цитата Джона Мейна. У каждого человека есть свое призвание в Боге, каждый может быть обращен Богом в глубины своей сущности и пережить там Божье

присутствие. Пережить присутствие бесконечной, вечной реальности, которая поддерживает мир, будучи основой и источником своего собственного бытия.

Одной из проблем, с которыми мы сталкиваемся, является то, что для многих людей слово "Бог" (как слово, употребляемое в рамках современного языка, не имеющего прямой связи с языками сакральными) утратило свой смысл. Люди все меньше стремятся его использовать, и действительно, порой его использование оказывается неудобным в передаче духовного смысла – оно может сформировать неверное представление о реальности, на которую мы пытаемся с помощью него указать. Полезно, сталкиваясь со словом, раскрывать для себя его глубинный смысл. Христианская концепция и образ Бога почерпнуты из Евангелия, от Иисуса, прежде всего это – "Небесный Отец". В то же время, когда мы встречаемся с восточными традициями, мы находим там другую, почти противоположную точку зрения. Там Бог представляется скорее Основой, Источником, пребывающим за гранью мира Бытием. Я хотел бы рассказать одну историю об отце Жюле Моншанене, основателе нашего бенедиктинского индийского ашрама Саччидананды (Пресвятой Троицы). На протяжении многих лет он был приходским священником в Тируччирапалли. Однажды он подошел к группе детей-школьников, спросив их: "Где Бог?". Некоторые дети были индийцами, хинду, а некоторые христианами-европейцами. Первая группа указала на сердце (Бог в сердце), вторая – на небо (Бог в небесах). Это два различных подхода к пониманию Бога, и они являются взаимодополняющими. Вы можете думать о Боге на небесах, об Отце и Творце, посылающем вам свою благодать, воплотившемся в Иисусе. Также вы можете думать о Боге как о Духе внутри вас, основе вашего бытия, Источнике всего сущего. Эти представления противоположны, но в то же время они и успешно друг друга дополняют. Одна из вещей, которой я, соприкоснувшись с индийской культурой, в настоящее время учусь, и которой, возможно, учатся все люди нашей эпохи, – это примирение противоположностей. Зачастую мы думаем – либо это, либо то. Но почти всегда оказывается, что имеет место и то и другое. У китайцев есть прекрасный образ Инь и Ян. Он демонстрирует, насколько все взаимосвязано. Не стоит всегда делить вещи на то и это, лучше научиться видеть, каким образом противоположности образуют единое целое. Так что, думая о Боге, нам необходимо объединить оба этих образа – Отца на небесах и Святого Духа внутри нас.

Прямой опыт Бога не является чем-то, что требует каких-либо специфических навыков. Это то, что существует в самом центре нашего существа, то, что способно придать смысл и цель жизни, удовлетворив ее глубочайшие потребности. В наш маленький ашрам в Индии приезжают люди со всего мира, со всех пяти континентов, и это поразительно, но все они искали одного и того же – глубинного смысла жизни и самопознания, глубоких отношений с Богом и человечеством, – как мы часто говорим в Индии, все они искали "реализации, осознания Бога".

У большинства людей этот глубинный потенциал пропал, он настолько заглушен, что они более не осознают его. В частности, в условиях материалистической западной цивилизации люди утратили этот аспект своей жизни. Они так заняты окружающим миром, так поглощены своими проблемами, удовольствиями и болью, что больше просто не имеют сил выйти за рамки всего этого. Утрачено чувство открытости перед Богом, чувство трансцендентного. Это ощущение Бога было погашено, и именно его мы пытаемся восстановить. Группы христианской медитации во всем мире состоят из людей, ищущих глубинный смысл, реальность Бога в своей жизни.

Отец Джон обратился к этому движению с целью восстановить нашу способность восприятия Бога, о которой он говорил, как о "новом творении". Эта способность,

присущая каждому человеку, была подавлена посредством греха, который есть ни что иное, как отчужденность от собственного истинного бытия. Грех – это незнание самого себя из-за отчужденности от истинной сути себя, от самой реальности и от Бога. Новое творение обновляет наше существование, пробуждая нас к тому, чем мы являемся. В Индии часто задают вопрос: "Кто я? Являюсь ли я этим телом, сидящим здесь? Или я – совокупность личностных качеств, проявляющихся в отношении других людей? Или все же есть нечто, что пребывает в глубине, за рамками тела и ума? Быть может это и есть глубочайшая реальность во мне, и в мире вокруг нас?" Новое творение возникает тогда, когда мы пробуждаемся к реальности за пределами всех поверхностных проявлений нашей жизни.

По словам о. Джона, – *"... новое творение превосходит все иллюзии и образы нас самих и окружающего мира, раскрывая нашу истинную сущность, внутреннее я, сокрытое за всеми этими иллюзорными внешними проявлениями"*. Все мы, вся человеческая семья, как правило, теряемся в мире явлений, которые в конечном счете являются иллюзорными, упуская из виду реальность.

Джон Мейн видел монашескую жизнь сокрытой в каждом человеке в качестве пути трансцендентности. Карл Ранер, величайший теолог и мистик нашего времени, глубоко проникший в тайну Бога, говорил о том, что основным свойством человеческого существования является самопревосхождение, способность выходить за пределы себя. Мы пали в свою обособленность, в которой мы отрезаны от других, от основы и источника нашего существования. Нам необходимо преодолеть эту замкнутость, эго, скрывающее нашу настоящую сущность. Тогда мы сможем открыть себя Богу и всему миру, свету и истине, пребывающей повсюду и в каждом человеке. Именно замкнутость в себе является источником всякого зла. Само по себе эго не есть зло, ведь нам необходимо обладать индивидуальностью. Ребенок растет и со временем начинает осознавать себя, далее он должен, отделившись от матери, стать личностью. Но все же есть опасность того, что, захлопнувшись в собственном эго, мы станем его узниками, отрезанными от окружающих и от Бога. И Божья благодать, полученная в молитве и медитации, – единственный способ освобождения от ловушки эго.

Путь трансценденции – это, конечно же, путь любви. По словам о. Джона, любовь "смещает внимание с себя на других", приводя нас к "бесконечному распространению в духе". Любить означает расширять собственные масштабы, открываясь бесконечности бытия, являемой в нас и в окружающем мире. Эта бесконечность бытия в любви и есть то, на что мы указываем, говоря о Боге. В свою очередь, это приводит к "творческому развитию всего нашего существа, углублению интегральной гармонии сердца и ума".

Таким образом, мы начинаем более ясно видеть, что подразумевается под "новым творением". Это преодоление своей обособленности со всеми ее иллюзорными представлениями и желаниями и последующая встреча с реальностью, – реальностью нашего бытия и реальностью мира, в котором мы живем. Может показаться, что встреча с реальностью – нечто очень легко осуществимое, но в действительности мы всячески предотвращаем эту встречу с помощью тех образов и иллюзий, которые сами выстраиваем. Сегодня ученые рассказывают нам о том, что весь трехмерный мир целиком и полностью является представлением ума. Мир – это поле действия энергий, вибрирующих на различных частотах, оно наполнено различными структурами и формами, которые в совокупности мы интерпретируем как трехмерную вселенную. Но эта вселенная – всего лишь наше представление, а потому она иллюзорна, так как является некой внешней видимостью. Реальность же лежит за гранью всякой видимости и представлений.

Молитва, медитация – все это пути, ведущие нас за пределы видимости, позволяющие коснуться реальности. Реальность – это сам Бог, всегда открывающий себя по ту сторону всех явлений.

[1] *Во второй половине XX в. Католическая Церковь в рамках инкультурации начала активно использовать санскрит, равно как и прочие индийские языки. Конференция Католических Епископов Индии разрешила применять отдельные песнопения на санскрите (например песнопение «Харе Йёсу», поющее перед трапезой в Саччидананда Ашраме или молитвенную формулу «Ом Намах Кристайя») и фрагменты из текстов классической индийской литературы в монастырской практике, чаще всего в программах, связанных с движением Христианских Ашрамов.*

2. "Молитва за гранью слов и мыслей"

Метод молитвы, обнаруженный о.Джоном, происходит из опыта св. Иоанна Кассиана и отцов-пустынников IV в. Кассиан был родом с Балкан, и став монахом, отправился в паломничество с целью посетить отшельников в египетской пустыне. В то время Египет полнился христианскими монахами, стремящимися оставить жизнь в Римской империи и погрузиться в поиск Бога, уединившись в пустыне. Кассиан много беседовал с встреченными им монахами, впоследствии написав свои "Собеседования", где подробно рассказывалось об их образе жизни, и, что наиболее важно, об их пути молитвы. Два собеседования с аввой Исааком о молитве являются классическими наставлениями обо всем, что связано с медитацией. Правило св.Бенедикта также унаследовало учение о молитве Кассиана и отцов-пустынников. Это и есть то, что стало открытием для о.Джона в Илингском аббатстве – тот сокровенный путь молитвы за гранью слов и мыслей, который пустынники называли "чистой молитвой".

Для многих людей довольно-таки серьезной проблемой является то, что молитва обязательно ассоциируется со словами и мыслями – произнося "Отче наш", мы сразу же начинаем представлять себе Бога. Такой подход может быть необходимым лишь в качестве начала пути, на котором молитва непременно поведет нас намного дальше слов и мышления – что и происходит в медитации, в той "чистой молитве", о которой говорил один из величайших монахов пустыни, Евагрий Понтийский. Св. Бенедикт указывал на чистоту сердца [1] как на индикатор качества молитвы – следовательно, это и есть то, чего мы все так ищем, – чистая молитва. И именно об этом напомнил нам о. Джон.

Поразительно, но, прожив в бенедиктинском монастыре 20 лет, я сам ни разу не сталкивался с подобным открытием! Мы выделяли на медитацию от 30 мин. до часа после Вечерни, но при этом мы не имели никаких четких инструкций или наставлений о том, как это делать. Этих наставлений и ищут люди сегодня.

Я очень хотел бы порекомендовать к прочтению замечательную книгу, "Откровенные рассказы странника духовному своему отцу", рассказывающую о странствующем паломнике, путешествующем по святыням и непрестанно творящем Иисусову молитву – *"Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного"*. Прочитав в Евангелии – *"непрестанно молитесь"* (1 Фес 5, 17), он отправился в путешествие, и посещая различные монастыри, везде спрашивал о том, "как мне молиться непрестанно?". И наконец один старец рассказал ему о том, как постоянно повторять Иисусову молитву, тысячи и тысячи раз подряд. Странник шел по дорогам, творя молитву день и ночь, и вся его жизнь преобразилась. Он сиял Христом. Интересно то, что после того, как коммунистическая система рухнула, люди в постсоветских странах вновь открывают свой внутренний духовный мир. В XIX в. люди "Святой Руси" странствовали к отдаленным монастырям и храмам, ища Бога и открывая Его для себя. Сегодня эта духовная атмосфера вновь возрождается. То же самое сейчас ищут и все прочие люди во всем мире.

Все мы в большей степени привыкли молиться с помощью слов и понятий, и, конечно же, начинать необходимо именно с этого. Одним из традиционных путей молитвы является *Lectio Divina* – созерцательное чтение Священного Писания. Это превосходная духовная практика, но чаще всего она не выходит за рамки дискурсивной молитвы. В ней мы перебираем мысль за мыслью, и это полезно, это ведет нас по нашей дороге, но, идя только лишь таким путем, мы не достигнем пункта назначения. Это не может быть в полном смысле слова созерцательной молитвой.

Началом созерцательной молитвы является момент, в котором все дискурсивные размышления прекращаются, позволяя уму пребывать в безмолвии и присутствии Бога. Собственно, созерцание – это практика Божьего присутствия. Отец Мейн в своем учении обращается к понятию "мантра", указывающему на священное слово (фразу), которые надлежит непрестанно повторять в качестве пути созерцания. Так, мантра ведет нас в средоточие безмолвия, к присутствию Бога.

Для нас очень важным было бы научиться всегда рассматривать себя как некую целостность, объединяющую тело, душу и дух. Увы, пока мы имеем привычку думать о человеческом существе либо как о комплекте тела и души, либо как о разумном животном. До определенной степени это может быть и верным представлением, но в нем мы упускаем глубинное измерение нашего бытия. Святой Павел, равно как и вся ранняя Церковь, представлял себе человека исключительно как тело, душу и дух. Молясь и медитируя, мы не действуем сугубо умственно. Такой взгляд очень опасен, в особенности в западном мире, где ум людей очень развит и все аспекты религии сводятся к голове. Медитация должна в таком случае стать путем сведения фокуса внимания с головы на сердце. В патристической литературе мы можем прочитать – собери свой ум, и веди его из головы в сердце, храня там [2]. Сердце таким образом становится центром, в котором голова входит в единство со всем телом. И медитация ведет нас от головы к сердцу, где мы входим в полноту и целостность нашего воплощенного, телесного бытия.

Нам следует медитировать в полноте всего нашего существа. И тогда наша медитация приведет нас к глубочайшей гармонии сердца и ума, души и тела.

[1] *Отцы Церкви, часто употребляли в своих духовных наставлениях слово "сердце", (греч. kardia), подразумевая под ним средоточие человеческой природы, которая в своем полном составе должна стать, духовной (греч. пневматикос). Макарий Египетский, ученик Антония Великого, говорит о человеческом сердце, как о "источнике всех душевных и духовных движений", сосуде, где "Бог, и Ангелы, жизнь и царство, свет и апостолы, сокровища благодати" (Преподобный Макарий Египетский "Духовные беседы").*

[2] *"Собрав ум твой, веди его тем путем, которым воздух идет к сердцу, и понудь его сойти в сердце вместе со вдыхаемым воздухом. Приучи ум не скоро оттуда исходить..." (Блаженный Никифор Афонский)*

3. "Мантра в христианской традиции"

Сутью метода медитации отца Джона является использование мантры. Мантра – санскритское слово, происходящее из древней индийской молитвенно-медитативной традиции. Гениальность отца Джона заключается в том, что он смог открыть наличие аналогичной сакральной традиции в опыте отцов-пустынников, которая спустя столетия достигла св.Бенедикта и впоследствии, хотя и будучи практически преданной забвению, все же была сохранена бенедиктинским орденом до наших дней. Таким образом, идея мантры стала его важнейшим открытием, благодаря которому он смог вернуть в поле зрения современной Церкви этот способ молитвы.

Искусство мантры заключается в повторении священного слова или фразы из Библии, что производит центрирующее влияние на молящегося таким образом человека, объединяя все его способности и помогая сосредоточиться на присутствии Бога, непрестанно пребывающего в нашем сердце. Подобное открытие было сделано в Спенсерском аббатстве (траппистское аббатство св.Иосифа в США, в котором отцы Вильям Менингер, Василий Пеннингтон и Томас Китинг в 70-х годах основали движение "Центрированной молитвы"), ставшее своеобразным ответом на весьма популярную в то время "Трансцендентальную Медитацию Махариши". Этот метод также стал путем к внутренней интеграции, нахождению центра собственного бытия и приведению всех чувственных и умственных сил к единству в этом центре. Он стал путем к глубинам личности, в которых человек может встретить царящее там Божье присутствие.

В качестве своей мантры отец Мейн избрал арамейское слово "маранафа", содержащееся в Первом послании к Коринфянам апостола Павла (1Кор 16, 22 и также в Отк 22, 20 как *"Гряди, Господь"*), и переводимое как *"приди, Господь!"* или *"Господь грядет"*. Арамейское слово "mar" переводится как "Господь", а суффикс "-an" означает "наш", таким образом "maran" – это "Господь наш". Возможно два способа перевода, первый – "maran-atha", *"грядет наш Господь"*; и второй – "marana-tha", *"приди Господь наш"*. На мой взгляд, первый из них наиболее корректен.

Маранафа – одно из немногих арамейских слов, сохранившихся в Новом Завете, а ведь это язык, на котором говорил сам Иисус. Таких слов всего шесть. Воскрешая девочку, дочь начальника синагоги, Иисус говорит: *"Талифа куми"* ("talitha cumi"), *"Девушка, тебе говорю, встань"* (Мк 5, 41). Также, на кресте Он говорит *"Элои! Элои! ламма савахфани?"* ("Eloi! Eloi! lama sabachthani?"), *"Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?"* (Мк 15, 34 и Мф 27, 46). За исключением этих слов все, сказанное Иисусом, было переведено на греческий. Обратите на это внимание: это крайне важно. Иисус говорил именно на арамейском, и я не думаю, что каждый из вас это осознает. Наши Евангелия были написаны на греческом, и при этом слово "маранафа", содержащееся в послании Павла к Коринфянам было используется ранней Церковью в качестве арамейской реликвии, памяти о языке Иисуса. Поэтому это в высшей степени сакральное слово. Маранафа, грядет наш Господь. Используя это слово, мы возвращаемся во времена Иисуса, в момент, предшествовавший появлению греческого текста Нового Завета.

Нам всегда следует напоминать себе о том, что исходные тексты Нового Завета, написанные на древнегреческом, сформировались в течении примерно пятидесяти лет после земной жизни Иисуса. Осознавая это, мы оказываемся по ту сторону греческого Нового Завета, прикасаясь к наиболее ранней традиции Церкви, к ее состоянию до выхода за грань изначальной иудейской матрицы. Вся история раннего христианства демонстрирует нам его рост, разворачивающийся в среде иудаизма, – Иисус и его ученики говорят на арамейском, участвуют в храмовом поклонении, ходят в синагогу, и так далее.

Затем на протяжении целого столетия христианство начинает двигаться в сторону язычников, людей внешних по отношению к иудейской среде, и сам Павел оказал наибольшее влияние на распространение христианского послания среди язычников. Павел был грекоговорящим евреем, происходившим из Тарса, и свое послание он выражал опять-таки на греческом, на котором были написаны как его послания, так и послания других апостолов. Также нам важно учитывать, что имя "Иисус" и эпитет "Христос" – это греческий перевод с ивритского "Йешуа" (Joshua, Йешуа, сокращение от Йешоуа – состоящее из двух корней "Йеова" и "спасение") "Машиах" и арамейского "Мешиха" (Meshia – помазанник, мессия).

Итак, вся целостность послания Иисуса была передана через греческий язык греко-римскому миру и всем прочим культурам. Опять-таки, очень важный момент: это была встреча двух культур. Это послание изшло из среды исключительно иудейской культуры, из мира, к которому Иисус всецело принадлежал. Он пришел в наш мир не через какую-либо иную культуру, но именно через конкретную иудейскую культуру, которая готовилась к этому Богом на протяжении веков. Евангелие выросло в этой среде, и далее, с течением времени, продолжило свой рост уже в контексте греко-римского мира. Затем это движение продолжилось в масштабах Европы и, наконец, достигло Америки. Все мы имеем отношение к этому циклическому эволюционному процессу, берущему начало в иудейской матрице и постепенно все больше и больше разрастающемуся при контакте с новыми культурами. Сегодня эта иудейская, греко-римская, европейская и американская религия вступает в полноценный контакт с Азией: Индией, Китаем и Японией. Это значительнейший момент в развитии христианства. Вот с чем мы столкнулись сегодня.

Без сомнения, в таком слове, как "маранафа", присутствует нечто особое, настраивающее нас на связь с ранним христианством, с истоками нашей религии.

Таким образом, отец Джон воспринял эту молитвенную традицию, происходящую из пустынной среды, и, в конечном счете, из Нового Завета. Еще одним важным озарением, посетившим Мейна при изучении Евангелия, стало понимание того, что вся жизнь Иисуса сосредоточена вокруг переживаемого Им "Авва-опыта". Иисус называет Бога Аввой, Отцом. Но стоит учесть, насколько интимным контекстом наполнено это слово, и в этом смысле оно звучит скорее как ласковое "папа", подобно детскому обращению к родителям. Отношения Иисуса с Богом были личными, как с Отцом, в то время как в иудейском ветхозаветном мире эти отношения имели скорее противоположный характер. Яхве был Богом небес, и благоговение иудеев тех времен было столь великим, что они даже не желали произносить Его имени. Слова "Адонай" или "Господь" служили заменителями имени "Яхве", запретного для произнесения. Он пребывал на запредельных для человека высотах, и это внушало огромный страх перед Его судом и убежденность в том, что буква Закона должна соблюдаться любой ценой. Иисус же полностью переступил грань такого подхода в направлении собственного интимного осознания абсолютного единства с Аввой, с Отцом.

Я думаю, мы могли бы сказать, что слово "Авва" было мантрой Иисуса. Он просто жил в этой интимной близости с Отцом, с Аввой. И на этом слове, на всем том, что оно подразумевает, была сосредоточена Его жизнь. В таком понимании мы получаем связь с традицией мантры из рук самого Иисуса.

4. "Назначение мантры"

Важно помнить о том, что молитва и медитация охватывают всего человека в целом. Мы молимся телом и душой также, как и духом. Мы прославляем Бога с помощью своего тела, даже если просто произносим слова, и тем более, когда поем. В сугубо созерцательной молитве действия тела сводятся к минимуму, но даже тут присутствует движение – наше дыхание.

Все восточные традиции особо подчеркивают важность дыхания. Дзен-медитация фокусируется на дыхании в области живота, на вдохе и выдохе. Этот важный центр называется хара. Нам не стоит однозначно пренебрегать подобными представлениями. Это эмоциональный центр, но также это и центр нашей *psyche*, психической жизни; многие люди находят концентрацию на хара крайне полезной. Другие предпочитают сосредотачивать внимание на сердце, которое намного чаще рассматривается в качестве центра. Также существует способ сосредоточения на центре, который в индийской классической йоге обозначается как аджна, его же часто называют "третьим глазом". В Индии мы наносим на это место красную точку [1]. Наши два глаза являются глазами дуальности, которыми воспринимается мир внешних явлений, наше внешнее я. Третий же глаз – это внутреннее зрение, видящее внутренний свет. Для многих людей имеет огромное значение совмещение мантры, молитвенной формулы и дыхания, так как это помогает телу войти в самое сердце молитвы. Но конечно, когда речь идет именно о медитации, тело должно оставаться неподвижным, насколько это возможно, дабы не отвлекать ум. Некоторые настаивают на вертикальном положении тела и тишине. Это является важным нюансом в индийской традиции, в йогических упражнениях: абсолютно прямой позвоночник и полная тишина. Еще одним важным условием медитации является отсутствие напряжения. Тело и разум должны быть совершенно спокойными, чтобы душа была восприимчива и открыта Духу Божьему. В теории йоги говорится, что наше положение должно быть одновременно легким, спокойным и устойчивым. Оно должно удерживать нас в состоянии уравновешенности, но в то же время не создавать напряжения.

Необходимо помнить, что любые звуки вибрируют сквозь все тело и оказывают глубокое психическое воздействие. Трудно даже представить себе, насколько рассеивающее влияние оказывает звуковой фон современных городов на нашу психику. Нас постоянно бомбардируют эти звуки, телевизионные образы. Практика безмолвия так важна, потому что помогает нам освободиться от всех этих отвлекающих факторов. Функция мантры, молитвенной формулы – помочь вспомнить о душе, привести ее обратно к центру и объединить всего человека – тело, душу и дух – с Божьим Духом.

Не уверен, в полной ли мере я дал понять важность различия тела, души и духа. У нас есть тело – физический организм, объединяющий нас со всеми организмами во вселенной. Также мы обладаем душой, являющейся психологическим организмом с восприятием, чувствительностью, воображением, разумом и волей. Центром психики является эго: то, что на санскрите называется ахамкара, "я – делатель". Психика весьма ограничена, но за ней обнаруживается Дух, как сказали бы в Индии – Атман, являющийся точкой самотрансценденции. Именно тут тело и душа выходят за рамки собственных человеческих ограничений и открываются безграничной, вечной, божественной реальности. Медитация осуществляется в духе, выходя за пределы наших тела и души.

Целью всегда является центрирование тела и души в глубинах духа, где дух человека встречается с Духом Бога. Как сказал апостол Павел, *"Дух свидетельствует духу нашему, что мы – дети Божию"* (Рим 8, 16-17). Тут, в духе, эго преодолевается, и мы открываемся

Святому Духу. Это и есть место встречи нашего и Божьего Духа. Медитация должна быть таким местом, в котором человеческий дух смог бы соприкоснуться со Святым Духом Бога и открыть себя ему. Интересно отметить, что в Новом Завете слово "дух" иногда используется в качестве человеческого, а иногда, в качестве божественного, – именно потому, что он является местом встречи. Св. Франциск Сальский говорил о духе, как о "тончайшем месте души". Это точка самотрансценденции, где мы, выходя за рамки самих себя, обретаем божественный Дух в наших сердцах, то есть в самом центре нашего бытия. Повторение мантры, молитвенной формулы, – это просто-напросто способ удержать все способности души и тела сосредоточенными в этой точке.

Это процесс объединения всех сил души в Духе, где их охватывает свет истины, который в сущности есть свет любви. Любовь Святого Духа, вливаясь в наши сердца, ставит нас лицом к лицу с Богом. В восточных традициях все формы медитации являются путями к внутреннему центру. Но что именно там происходит, зависит уже от нашей веры и традиции. Для христиан местом Духа является сердце, посредством Духа Святого наполненное Божественной любовью.

Одной из возникающих проблем является рассредоточение внимания. Когда мы принимаемся за медитацию, наш ум начинает блуждать. У большинства людей деятельность ума никогда не прекращается. Для людей сегодня, и в особенности для людей Запада, чья жизнь так полна рассеянности, для которых телевидение с его потоком образов является постоянным источником отвлечения внимания, проблема умственного контроля стоит крайне остро. Мы постоянно думаем, думаем, думаем. Кажется, что большинство из нас не может остановить постоянный поток мыслей. Но что мы действительно могли бы сделать, так это просто позволить мыслям течь, не погружаясь в их поток, и тихо наблюдать за всем этим, как за облаками в небе. В это время глубинное сознание, дух внутри нас, тихо покоился бы в Божьем присутствии. Жесткая борьба с отвлеченностью может принести больше вреда, нежели пользы – в этом случае в процесс включится эго. Мы пытаемся остановить себя, но затем все только ухудшается. Когда же мантра спокойно произносится, мысли приходят и уходят. Мы просто не должны следовать за ними. Позвольте им приходиться и уходить, тихо удерживая свою мантру, свою молитвенную формулу.

[1] *Тилак (Чандана) – традиционный знак в виде точки, горизонтальной или вертикальной полоски, наносимый в Индии на тело с помощью глины или порошка кумкумы. Многие индийские христиане, миряне, монахи и священники приняли этот символ в свою литургическую практику. При этом, считается, что нанесение этого знака на лоб символизирует недвойственное единство и мир во Христе – "Ибо Он есть мир наш, соделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду, упразднив вражду Плотию Своею, а закон заповедей учением, дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека, устрояя мир, и в одном теле примирить обоих с Богом посредством креста, убив вражду на нем." (Еф 2, 14-16). У нас есть два глаза, которые способны видеть мир дуалистических противопоставлений, символическое изображение ещё одного "глаза" указывает на наше участие в недвойственном духовном мире. На одной из широко известных фотографий посещения бл. папой Иоанном Павлом II Индии мы видим пример этого красивого древнего обычая. В христианских ашрамах (католических и протестантских) тилак наносится трижды в день: после утренней мессы, после дневного богослужения и после вечернего арати. Арати – традиционная индийская форма богослужения, также широко используемая в христианских, католических ашрамах Индии. В процессе арати Богу преподносятся благовония, цветы, огонь, вода и т.д. Католическая Церковь в лице Конференции католических епископов Индии допускает использование арати публично в контексте индийской культуры.*

5. "Единство за гранью двойственности"

Медитативная практика обнажает глубочайшие раны, имеющиеся в нашей собственной природе, заставляя нас встретиться лицом к лицу со всеми теми страданиями, что переживает человечество от начала времён. И тут в нас зарождается сострадание. Этот внутренний опыт в свою очередь может быть выражен в сострадании, проявляемом нами в тех или иных жизненных ситуациях.

Нам следует преодолеть двойственность мыслящего сознания, отделяющую нас от Бога и от окружающих, и преодолеть её прежде всего осознав тот факт, что во Христе эта двойственность уже всецело преодолена. Первородный грех есть ни что иное, как падение в двойственность. Изначально человеческое существо было сотворено для бытия в единстве тела, души и духа, и это единство подразумевало полную открытость Богу. Падение человечества – это падение из духа в психику, в душу – то есть в область эго, изолированной самости. Вместо непрестанной открытости Богу в духе, мы низвержены в наше собственное эго, где нас удерживает страх и одно-единственное стремление – бороться за самих себя. Христос пришёл освободить нас от оков дуализма. Когда вы заперты в области психической реальности, – всё делится на два – на добро и зло, на правильное и неправильное, чёрное и белое, сознательность и бессознательность, ум и материю, субъект и объект, истинное и ошибочное. Рациональный ум всё делает двойственным, он видит всё только с точки зрения противоположностей.

Но за гранью этой двойственности ума всегда обнаруживается дух, приводящий всё к единству. И медитация ведёт нас за грань всяких противопоставлений, к единству духа. Иисус сокрушил преграду, разделённость, свойственную нашей природе. По словам апостола Павла, Христос *"разрушил стоявшую посреди преграду"*, примирив нас в одном теле на Кресте (Еф 2:14-16). В Иерусалимском храме была стена, преграждавшая путь любому язычнику. Всякий язычник, ступивший внутрь храма, должен был быть убит. Вход был открыт только иудеям, избранным людям. Все прочие всегда оставались снаружи. Иисус сломил разделяющую стену, открыв путь в Храм для всего человечества. Но мы снова и снова возводим подобные стены, продолжая разобщать мир.

Итак, Иисус примирил всех нас в одном теле на Кресте, *"разрушив стоявшую посреди преграду"*. Именно сегодня нам необходимо серьезно отнестись к видению человечества как одного тела, единого целого. Учителя Церкви обладали очень глубоким пониманием Адама, пребывающего во всём человечестве. У Св. Фомы Аквинского есть прекрасная формулировка этой идеи: *"omnes homines, unus homo"*, *"все люди – один человек"*. Все мы являемся органически связанным единством, одним целым. Мы члены этого Единого Человека, павшего и разделённого, раздираемого во все стороны конфликтами и путаницей [1]. И всё человечество было восстановлено Иисусом, не только лишь иудеи или христиане, или еще какая-либо отдельная группа людей, но именно человечество, как одно целое, было восстановлено к единству Нового Адама, к фундаментальному единству сознания всей человеческой расы, неразрывно связанному внутри себя и со всем мироустройством, со всем космосом [2]. Это именно то знание, которое мы сегодня начинаем восстанавливать, заново открывая суть нашей общей человечности. Даже такие вещи, как телевидение, помогают нам понять, что происходящее в горячих точках планеты, например в Ираке, является частью наших собственных проблем, несмотря на то, что мы можем жить в другой части мира. Мы начинаем снова видеть человечество в качестве части космического целого. Мы также и часть этой планеты, так как ею объединены, и наша жизнь произрастает из неё. Каждый из нас – часть всех остальных, в нашем росте и становлении мы переплетены теснейшим образом, взаимодействуя друг с

другом в цельном единстве. Мы снова и снова открываем это единство за гранью двойственности, и теперь мы можем увидеть в нём неотъемлемое право каждого из нас.

В авраамических традициях присутствует весьма сильный акцент на дуальности. Человечеству пришлось пройти через дуалистические представления, чтобы узнать на опыте разницу между правильным и неправильным, добром и злом, истиной и заблуждением. Вам необходимо пережить этот этап разделения налево и направо, раскладывания всего по полочкам, но затем очень важно превзойти этот уровень, подняться над ним. Ветхий Завет в целом отражает эту двойственность: там мы всегда видим израильтян в качестве святых людей, и вне их круга мы наблюдаем все прочие народы, которые так или иначе должны быть отвергнуты. Доброе отделяется от всего прочего, злое предается забвению. Такие дуалистические представления наблюдаются на все протяжении иудейской традиции.

Иисус пришёл к нам, явившись в среде этой традиции и обращаясь к нам, Он часто использует её язык отторжения и осуждения. Но всякий раз, начиная с этих слов, Он ведёт нас за их грань, поднося нас к той точке, в которой мы смогли бы преодолеть все пары противоположностей. В Евангелии от Иоанна есть место, служащее прекрасным выражением этой цели, к которой нас в конце концов ведёт Иисус: *"да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино"* (Ин 17:21). Иисус полностью един с Отцом, но все же Он не Отец. Это недвойственные отношения, участвующие в них – не один и не два. Такова тайна любви. Когда двое объединяются в любви, они становятся одним, но при этом каждый сохраняет свои особенности. Иисус и Отец пребывают в этой абсолютной общности любви, и Иисус просит нас всех войти в единство и быть одним так же, как и Он с Отцом – одно тотальное единство в недвойственном бытии Отца. Именно таковым и является христианское призвание – восстановить это единство.

В Индии идея адвайты, недвойственности является основополагающей. Вся индийская традиция пронизана этим стремлением выйти за грань двойственности. И какое-то особое понимание адвайты, недвойственности – это одна из тех полезных вещей, которую современные христиане могли бы вынести из встречи с классической индийской философией. Христианство зародилось в израильской традиции морального дуализма. Далее на пути своего развития оно прошло через греко-римскую культуру, основанную на метафизическом дуализме. Но сегодня пришло время для нас встретиться с духовной мыслью Азии, в которой нам открывается принцип недвойственности. Рациональный ум всегда требует наличия одного или двух, в то время как недвойственность, лежащая за гранью рациональности, свидетельствует о существовании отношений, в которых нет возможности говорить ни об одном, ни о двух. И именно в процессе медитации мы оказываемся вне двойственности. Мы призваны восстановить единство, превосходящее дуализм, оно принадлежит нам по праву, и только оно сможет удовлетворить ту глубочайшую нужду, которую испытывает современное человечество.

Я планирую взяться за написание книги, рассказывающей о писаниях самых разных духовных традиций, которая была бы предназначена для чтения и христианами и верующими других религий. В ней я хотел бы попробовать показать, как каждая из мировых религий – индуизм, буддизм, даосизм, ислам, иудаизм и, конечно же, христианство, изначально обладая дуалистической основой, начинают по мере своего развития двигаться в область недвойственности, о которой мы говорим. К примеру ислам и иудаизм изначально настроены особо дуалистично, в писаниях обоих этих традиций мы постоянно наблюдаем двойственные тенденции, там мы встречаем ужасное осуждение неверующих и всяческие описания их гибели и наказаний. Это та стадия развития

религиозного сознания, которую должны пройти все люди без исключения. Но мы видим, как в VIII и IX в. в исламе появляются суфии, ориентированные в недвойственном направлении. Подобным образом и в иудаизме зарождаются мистические школы каббалы, равно как и духовность рейнских мистиков и Мастера Экхарта у нас, в христианстве – всё это проявления недвойственного уровня той или иной духовной традиции. Буквально каждая религия в процессе своего развития преодолевает дуализм и через свою мистическую традицию движется в недвойственном направлении. Выйти за грань двойственности – вот к чему мы все в конце-концов призваны.

Медитация является путем, ведущим в этом направлении. Приводя свой ум в покой, делая остановку мы открываем объединяющий принцип, лежащий за гранью всего, что только может быть. И в этом открытии наша надежда, это та цель, к которой мы устремлены. Это невероятно важно, и я думаю, что с помощью медитативных движений Бог ведет нас к этому, и через каждого из нас – всё человечество. Это зов, на который всё больше откликается весь мир. В разных местах люди встречаются друг с другом, открывая в себе эту жажду и утоляя её теми или иными способами медитативной практики.

Предназначение каждого из нас в том, чтобы открыть своё сердце той тайне недвойственности, которая сокрыта в Пресвятой Троице. В ней участвуют не изолированные друг от друга индивидуальности. Троица – это общение любви, это недвойственная реальность. Её зов мы все несём в себе.

[1] *"Когда Адам пал, пал и Сын Божий. Из-за праведного единства, сотворенного на небесах, Бог Сын не мог быть отделен от Адама, потому что под Адамом я поняла всех людей. Адам отпал от жизни в смерть в яму этого несчастного мира [...] в глазах Бога все люди – это один человек, и один человек – это все люди."* (бл. Юлиана Нориджская, "Откровения Божественной Любви", Откровение 9, 14)

[2] *Космос (греч. Κόσμος) – термин древнегреческой философии, указывающий на упорядоченную гармоническую цельность природного мира. Широко использовался неоплатоническими философами и средневековыми христианскими богословами для описания сотворённой вселенной.*

6. "Общая цель религий"

Идея медитативных групп представляет собою новый образ жизни, который возможно реализовать как внутри Церкви, так и в масштабах всего современного человечества. Представив свой способ медитации с христианской мантрой, о.Джон Мейн возродил древнюю традицию созерцательной молитвы, сохраняющуюся бенедиктинским орденом. Он также расширил представление об этом пути медитации и созерцательной жизни, позволив ему охватить не только монахов, но и мирян. Медитативная традиция, о которой мы говорим, прошла долгий путь: зародившись в среде пустынников, она была принята Св. Иоанном Кассианом и уже из его трудов она достигла Св.Бенедикта. Сегодня мы видим, как она продолжает своё распространение по всему миру. Стоит отметить и то, что подобный способ медитации уходит своими корнями в традиции древней Индии и вообще является типичным методом молитвы для всех восточных традиций. Нечто подобное мы можем найти не только в индуизме или буддизме, но также и у суфиев в исламе и в хасидском движении в иудаизме.

Каково же будущее созерцательного образа жизни, основанного на этой традиции – каким оно представляется в перспективе Церкви и в масштабах всего мира? Говоря о Церкви, мне кажется, нам стоит осознать, что христианская традиция не может просто стоять в стороне, отдельно от всего и всех. Сегодня мы призваны увидеть нашу религию в контексте других мировых религиозных традиций. В частности, христианская медитация о. Джона Мейна является тем путем созерцания, который мы обнаруживаем во всех мировых религиях, и это должно помочь нам увидеть в созерцательной жизни зов, обращенный ко всему человечеству. Мы движемся вперед, оставляя позади материалистическую цивилизацию, основанную на науке и технологиях, и приближаясь к тем временам, когда люди во всём мире сознательно ступят на духовный путь в стремлении объединить, интегрировать свои жизни, обратив всё их составляющее к внутреннему центру, к сердцу, и обретя смысл жизни не во внешнем мире, а во внутренней реальности, чьим отражением является всё внешнее. Таков контекст этого обновлённого мира, в котором мы можем найти место для созерцательной жизни в Церкви и конечно же место для общин облатов, культивирующих подобный способ жизни.

Я снова и снова возвращаюсь к взгляду, согласно которому весь внешний мир рассматривается как отражение, скажем зеркальное, мира внутреннего. Таким же образом смотрит на вещи и современная физика: идя по следам внешних признаков, начиная с тела, затем атомов, протонов и электронов, мы в конечном итоге приходим к области энергий. Такая картина может привести нас к пониманию того, что мы сами являемся полем энергии, действующим в обширнейшем поле энергий, составляющих вселенную. Мы представляем весь этот трехмерный мир, окружающий нас с помощью наших чувств и ума. Но весь он является временным. Этот мир – ни что иное, как выражение бесконечной тайны энергии, мы творим его, мы в нём живём и его мы должны превзойти. Мы всегда ошибаемся, принимая внешние феномены, проявления, мир времени и пространства за саму Реальность, но всё же постепенно мы познаём истину о том, что всё это пройдёт, исчезнет.

Таковы были величайшие прозрения Индии. Будда, на мой взгляд, имел одно из наиболее глубоких озарений относительно природы вселенной и человеческого бытия. Это озарение позволило посмотреть сквозь весь этот мир проявлений и чувств. Он увидел, что всё преходяще. *"Всё непостоянно. Всё есть страдание* (в том смысле, что "всё" неудовлетворительно, не несёт в себе окончательного удовлетворения)... *Всё нереально."* (Дхаммапада). Всё в феноменальном мире само по себе лишено сути, не имеет никакой реальной основы в себе. Весь мир в котором мы живём – это мир феноменов,

проявленности. Но всякое явление лишь отражает вечную реальность. Поэтому мы можем сказать, что живем в мире преходящих явлений, где всё непрестанно меняется, всё пребывает в постоянном течении и конфликте, всё, подобно зеркалу или водной глади озера, отражает Божественную Реальность. В миг смерти мы выходим за пределы потока проявленности и тела, в нашем привычном его понимании, вступая в реальность. В чём-то это похоже на просмотр телевизора. Мы наблюдаем те или иные события, и если бы мы не были осведомлены об устройстве телевидения, мы бы могли решить, что они и в самом деле разворачиваются в экране. Но в нём на самом деле ничего не происходит. Всё, что мы наблюдаем на поверхности экрана, разворачивается где-то далеко за его гранью, всё, что мы в нём видим, – только отображение чего-то реального. Поэтому весь физический мир – образ и проявление незримой реальности. Каждая религиозная традиция обладает названием, словом, указывающим на неё. В классической индийской философии мы встречаем слово "Брахман". То, что пребывает за гранью всех явлений, – один вечный Брахман. И за гранью человеческого тела индийская традиция находит Атман, единое "Я". Будда указывал на это, как на Нирвану. Когда все феномены исчезают, наступает "угасание" всякой проявленности, изменений и процессов становления, и вы вступаете в Вечную Реальность. В более поздних направлениях буддизма Реальность названа Шуньятой, "пустотой" [1]. Когда всё опустошено, остается пустота, которая есть также и полнота.

В Китае мы встречаемся с понятием Дао [2]. Конфуций и его последователи обладали целым комплексом ритуалов и собственным представлением об организации социальной и политической жизни. Но Лао-цзы видел Дао, стоящее за всем этим, ритм вселенной, удивительный порядок, который пребывает за гранью всего, но всегда остаётся незримым [3]. Вот прекрасная иллюстрация того, что такое Пустота: *"Тридцать спиц соединяются в одной ступице, образуя колесо, но употребление колеса зависит от пустоты между спицами. Из глины делают сосуды, но употребление сосудов зависит от пустоты в них. Пробивают двери и окна, чтобы сделать дом, но пользование домом зависит от пустоты в нем. Вот почему полезность чего-либо имеющегося зависит от пустоты."* (Дао Де Цзин, 11). Таким образом, пустота важна в той же степени, что и полнота.

Обращаясь к исламской традиции суфизма, мы находим в мысли Ибн аль-Араби [4] указание на то, что за кораническим образом Бога стоит Аль-Хакк – Реальность (одно из 99 имён Бога – Истина, Настоящий). И наконец в иудейском мистицизме, в каббале, идёт речь об Эйн Соф (ивр. – бесконечность, абсолют, Бог в своей трансцендентной непознаваемости). Яхве, Закон и Пророки – абсолютно за всем пребывает Эйн Соф, Бесконечный.

Все мы в тот или иной момент совершаем открытие, согласно которому за образами физического и психологического мира, и даже за религией, как за совокупностью представлений есть Реальность, в поисках которой мы все находимся. Карл Ранер называл её "Святой Тайной", тайной, стоящей за всем [5]. Эта тайна и есть цель наших религиозных поисков. Мы крайне нуждаемся в физическом мире и в символах религии, но главное, что мы должны сделать с их помощью – это выйти за их пределы к Реальности. Вот наше призвание.

Мир, мир, мир.

[1] Санскритское слово "шунья" переводится как математическое определение нуля, пришедшего в современную математику из индийской науки. Идея "пустоты", характерная для индуистской и буддистской философии имеет множество аналогов в

христианской мистической мысли, где идет речь о том, что Бог по отношению к миру объектов и явлений – "Ничто". Подобные идеи мы можем встретить и у Дионисия Ареопагита, и в школе рейнского мистицизма, и у более поздних мистиков, таких как св.Иоанн Креста: "Чтобы прийти к наслаждению Всем, не желай наслаждаться ни чем; Чтобы прийти к обладанию Всем, не желай обладать ни чем. Чтобы стать Всем, не желай быть ни кем. Чтобы познать Все, не желай знать ничего." Также, многие современные теологи находят взаимосвязь между некоторыми смысловыми оттенками санскритского понятия "пустота" и греческим понятием кенозис. Греч. κένωσις – "опустошение", "истощение", греч. κενός – "пустота"; "Уничжил [εκένωσεν] Себя Самого, приняв образ раба..." (Фил 2:7). Христианские теологи, занимающиеся инкультурацией и межрелигиозным диалогом сегодня активно используют ключевые понятия веданты, такие как Брахман, Сатчитананда, Ниргуна (невыразимость, непроявленность), пустотность (понимающаяся в контексте веданты одновременно и как Полнота, санскр. пурна – полнота) выражая языком индийской философии суть христианского мистического опыта также, как это ранее делалось с помощью терминов греческой философии, передавая новыми словами суть, о которой писали крупнейшие христианские богословы: "Вследствие сверхбытия Бога, Ему более подобает определение Небытия" (Св. Максим Исповедник "Мистагогия").

[2] В одном из переводов Евангелия от Иоанна на китайский язык пролог "В начале был Логос (Слово)" звучит так: "В начале было Дао". Это оригинальное и меткое решение имеет под собой прочное основание, так как действительно учение Гераклита о Логосе крайне схоже с учением Лао-цзы о Дао, что позволяет говорить о Слове Бога, Логосе как о Дао.

[3] "Бога не видел никто никогда" (Ин 1:18).

[4] Ибн аль-Араби (1165-1240) – крупнейший представитель и теоретик суфизма.

[5] Карл Ранер SJ "Богословские сочинения" ("Theological Investigations")

WWW.WCCM.RU

Перевод: Мария Захарова, Альберт Захаров
Дорогие читатели, большая просьба при публикации материалов
указывать ссылку-источник.